

На третьей стадии – ролевой – партнеры проверяют, оценивают совместимость ролей, то есть то, соответствует ли ролевое поведение ожиданиям другого. Партнеры устанавливают, смогут ли они занять в супружеском союзе взаимодополняющие роли. При этом оцениваются как сходство характеров и наклонностей (например, экстравертированность и интровертированность, одинаковая потребность в половых контактах и т.д.), так и противоположность взаимодополняющих черт (например, потребность в доминировании и в подчиненности, стремление одного заботиться о другом и др.).

На всех стадиях действует принцип «соизмеримости обмена». Равновесие достигается только в том случае, когда такой обмен с точки зрения партнеров является равноценным. Например, внешне не слишком привлекательный мужчина может сделать предложение более привлекательной девушке, давая ей взамен устойчивое материальное положение. Некрасивая девушка может привлечь красивого мужчину своей заботливостью, сексуальной искушенностью, способностью восхищаться им или быть послушной [1, 2].

Инструментальная теория подбора супругов, разработанная Р. Сентерсом, также уделяет первостепенное внимание удовлетворению потребностей, но при этом утверждает, что одни потребности (например, сексуальная потребность и потребность в принадлежности) более важны, чем другие, и что некоторые потребности более присущи мужчинам, чем женщинам, и наоборот. Согласно Сентерсу, человека влечет к тому, чьи потребности схожи с его собственными и дополняют их. Кроме того, были разработаны разнообразные теории фильтров, согласно которым каждый этап более глубинного знакомства рассматривается как прохождение некоторого «фильтра» в отношениях [1].

Согласно теории фильтров А. Керкгоффа и К. Дэвиса, процесс выбора партнера можно представить как последовательное прохождение через серию фильтров, которые постепенно отсеивают людей из множества возможных партнеров и сужают индивидуальный выбор.

Первый фильтр – место жительства – отсеивает тех потенциальных партнеров, с которыми человек никогда не сможет встретиться. Следующий фильтр – гомогамия – исключает тех, кто не подходит по социальным критериям. И последние фильтры – сходство ценностей и совместимость ролевых ожиданий. Результатом прохождения через все фильтры является вступление в брак [2].

«Круговая теория любви» А. Рейса объясняет механизм выбора брачного партнера через реализацию четырех последовательных взаимосвязанных процессов.

1. *Установление взаимосвязи.* Имеется в виду легкость общения двух людей, иными словами, насколько «в своей тарелке» они чувствуют себя в обществе друг друга. Это зависит как от социально-культурных факторов (социального класса, образования, религии, стиля воспитания), так и от индивидуальных способностей человека вступать в контакт с другими людьми.

2. *Самораскрытие.* Ощущение взаимосвязи с другим человеком рождает чувство расслабления, доверия, облегчает раскрытие себя перед другим. Здесь также большое влияние социально-культурные факторы.

3. *Формирование взаимной зависимости.* Постепенно у мужчины и женщины возникает и развивается система взаимосвязанных привычек, появляется чувство необходимости друг другу.

4. *Реализация основных потребностей личности* – потребности в любви, доверии, признании и др.

Развитие чувства любви идет в направлении от первого процесса к четвертому. Безусловно, пропуск одного из них негативно сказывается на развитии или стабильности любовных отношений [1, 3].

Согласно Б. Адамсу, который изучал прочные студенческие пары на протяжении 6 месяцев, первичное влечение основано скорее на внешних особенностях, таких как физическая привлекательность, общительность, уравновешенность и общие интересы. Завязавшиеся отношения укрепляются благодаря реакциям окружающих, получению статуса пары, ощущению уюта и спокойствия в присутствии друг друга и действию других подобных факторов. Затем пара вступает в стадию взаимных обязательств и близости, что еще больше притягивает партнеров друг к другу. Члены пары, связавшие себя взаимными обязательствами, изучают взгляды и ценности друг друга. На этой стадии пара часто готова к тому, чтобы принять решение о вступлении в брак [1, 2].

В противоположность этому, Мак-Голдрик рассматривает процесс образования пары с позиции теории семейных систем. Такой подход делает акцент на том, что образование пары представляет собой развитие новой структуры, равно как и процесс узнавания друг друга. В образовании пары решающее значение имеет задача переопределения границ. Постепенно пара переопределяет свои отношения с окружающими – своими семьями и друзьями – и друг с другом. В отношениях происходит целый ряд как неформальных перемен, так и формальных событий, таких как ритуал вступления в брак, который должен официально установить границы семейной пары [2].

Немецкий ученый Р. Зидлер также считает, что намерению вступить в брак у большинства людей в европейских промышленно развитых странах предшествует длительный процесс ориентации и социокультурной настройки человека на брак и семью.

Выбор брачного партнера можно представить, по мнению Р. Зидлера, как процесс фильтрации. Сначала определяется категория социально подходящих партнеров. Это происходит почти «незаметно» для человека в социальной среде, где он врастает. Затем осуществляется специфический выбор из «совокупности» возможных партнеров в соответствии с психологическими, сексуально-эротическими и эстетическими механизмами. При этом большое значение придается впечатлению,

вынесенным из родной семьи, образованию и ранней профессиональной карьере молодых людей [3, 4].

В отечественной психологии проблему выбора партнера затрагивала М.А. Абалакина. Она обосновала теоретическую модель соотношения процессов межличностного восприятия и динамики добрых отношений. Автор выделяет три стадии позитивного развития отношений в доброй паре. На первой стадии происходит встреча партнеров и формирование первых впечатлений друг о друге. Вторая стадия начинается, когда отношения переходят в устойчивую фазу, т.е. и сами партнеры, и окружающие воспринимают диadu как достаточно стабильную пару. Отношения становятся более или менее интенсивными и характеризуются высокой эмоциональностью. Третья стадия возникает после решения партнеров о вступлении в брак. Снижается

степень идеализации, возрастает удовлетворенность отношениями с партнером. В промежутке между первой и второй стадиями стимульные, чисто внешние параметры, в частности физическая привлекательность, уступают место сравнению мотивационно-потребностной, ценностной или ролевой сфер личности партнера.

Зарубежные и отечественные теории выбора брачного партнера объединяются в основном двумя идеями. Во-первых, почти все они базируются на принципе социально-культурной гомогамии. Во-вторых, механизм выбора партнера представлен как система фильтров (стадий). Они последовательно сужают круг возможных избранников, отсекая неподходящих. Таким образом, на заключительном этапе остаются лишь те пары мужчин и женщин, которые теоретически должны хорошо подходить друг другу как супружеские партнеры.

1. Андреева Т.В. Психология современной семьи. Монография. СПб.: Речь, 2005 436 с.
2. Калинина Р.Р. Введение в психологию семейных отношений. СПб.: Речь, 2008 370 с.
3. Психология семейных отношений / Под ред. Е.Г. Силяевой. М.: Академия, 2002. 192 с.
4. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений. Курс лекций. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000 512 с.

ЛИУККОНЕН ЕЛЕНА ИВАНОВНА
аспирантка СПбГИПСР

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ВЫЕЗДА ЭМИГРАНТОВ ИЗ РОССИИ

Произошедшие за последние годы изменения во внутренней и внешней политике России, связанные с распадом огромного государства – СССР, определили высокую актуальность проблемы миграции. Эмиграция из России на протяжении большей части двадцатого столетия носила вынужденный характер, а выезд ее граждан в периоды политических и военных потрясений приобретал более черты бегства и не всегда был в количественном плане полностью учтен в официальной статистике.

Целью настоящей статьи является задача выяснить на основе литературы и опубликованных источников мотивы выезда эмигрантов.

Эмиграция из СССР распадается на три главных потока, называемых обычно первой, второй и третьей эмиграцией (20–30-е гг., 40–50-е гг., 70-е гг.). Все три потока были обусловлены преимущественно политическими причинами. «Первый» и «второй» потоки – это в основном вынужденные «волны» эмиграции периодов Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн, «третий» поток – добровольная, преимущественно «этническая» эмиграция времен холодной войны. Конечно, такое деление условно, потоки эмиграции, то ослабевая, то усиливаясь, не иссякали почти

никогда. Речь идет, по существу, о трех пиках эмиграции [3].

Коммунистический период истории России, собственно, и начался с эмиграции. Первая волна советской эмиграции была наиболее массовой и драматичной. Уезжали: представители царской фамилии и аристократы, промышленники и коммерсанты, казачество и интеллигенция. Многие не видели себе места в Новой России, другие бежали от голода, болезней и ужасов Гражданской войны. С 1917 по 1925 г. нашу родину, только по приблизительным оценкам, покинуло в общей сложности 4,5 миллиона человек. Порядка 80% из них составляли люди в трудоспособном возрасте (17–55 лет), а около половины имело высшее образование. Среди высланных летом–осенью 1922 г. наиболее высокий процент составили гуманитарии: педагоги, писатели, журналисты, экономисты, юристы – более 50%. Техническая интеллигенция никогда не подвергалась подобным репрессиям, потому что ее знания и опыт требовались для модернизации страны.

Второй этап советской эмиграции, безусловно, сопряжен с Великой Отечественной войной. Около полумиллиона человек попало в плен, и еще 2,7 миллиона гражданских лиц подверглись

принудительной миграции в основном в качестве рабочей силы. В результате за пределами Советского Союза оказались 4,2 миллиона советских граждан. Из них не пожелали возвратиться в СССР около 620 тысяч чел [5].

Третья – впервые относительно добровольная – эмиграция всячески ограничивалась властями и значительно уступала по масштабам первым двум. Считается, что в ее основе лежали национальный, религиозный и социально-политический факторы. Первый из перечисленных для русской нации значения не имел, второй и третий же действительно повлияли на рост числа желающих уехать. Среди эмигрантов «третьей волны» российской эмиграции (1966–1985 гг.) значительную часть составляла интеллигенция. Так, только в начале 70-х гг. из СССР выехало более 50 тысяч ее представителей. В этот период само социокультурное явление эмиграции обретает совершенно новые черты, связанные с диссидентством и последующим насильственным лишением гражданства [7].

Мотивами выезда видных деятелей советской культуры были чаще всего экономические, иногда политические или творческие, а обычно и те и другие причины. Реже люди уезжали по собственному желанию, чаще по требованию оставить страну, исходившему от компетентных органов. Первые высылки диссидентов относятся к 1972 г.: тогда они обставлялись как добровольное желание уехать, поскольку лишение гражданства за действия, не совместимые со званием советского гражданина, требовало специального указа Верховного Совета СССР. Одновременно с последней волной политической эмиграции из России (1970-х гг.) в СССР начал оформляться и новый поток отъезжающих по религиозным мотивам. Речь идет о пятидесятниках, составлявших в то время несколько сот тысяч человек. Постоянная дискриминация в гражданской и частной жизни способствовала тому, что еще в конце 40-х гг. вероучение пятидесятников дополнилось идеей исхода из СССР. Кроме того, в отличие от евреев и немцев, пятидесятники не могли мотивировать свою просьбу о выезде стремлением жить на исторической родине. В феврале 1977 г. о желании выехать из СССР по религиозным причинам заявило более 1 тысячи человек, в 1979 г. около 30 тысяч человек. Начались открытые преследования, а с начала 80-х гг. и аресты, продолжавшиеся вплоть до 1985 г., когда наступили решительные перемены. Только в 1989 г. по религиозным мотивам страну покинули около 10 тысяч человек, среди них и многие пятидесятники [6].

В целом начало 70-х годов характеризуется ростом возможностей для потенциальной эмиграции и расширением возможностей для выезда евреев, армян, греков.

Эмиграция из России, имеющая специфические особенности в советский период, что определялось возможностями выезда из страны лишь для представителей отдельных национальностей, в период социально-экономических реформ постепенно утрачивает черты этнической эмиграции [2].

«Четвертая волна» эмиграции (конец 80-х – 90-е гг.) представляет собой особое явление. Эмигранты этой волны покинули и покидают Россию относительно свободно, на основании личного выбора. Большинство людей, покинувших Россию, Украину, другие страны бывшего СССР, мотивируют выезд в «дальнее зарубежье» не политическими мотивами, а в основном экономическими, чисто житейскими причинами; они ищут более свободного приложения способностей, более высокой оплаты труда, новых возможностей для предпринимательства, профессионального творчества. И как только право на эмиграцию стало в СССР реализовываться, за рубеж потянулись те, кто не находил в стране возможностей организовать обеспеченную жизнь. Совокупность социальных бед ускорила их отъезд. Особенностью «четвертой волны» является и то, что она не выходит за рамки определенного набора стран – Германия, Израиль, США и ряд других и имеет, в отличие от более ранней и преимущественно русской эмиграции, пестрый этнический состав – евреи, немцы, русские, украинцы, народы Кавказа, Прибалтики, Средней Азии.

При анализе причин выезда из бывшего СССР, полученных на основании проведенных социально-психологических исследований, наиболее значимыми являются обстоятельства под кодовым названием «кризис власти». Именно из-за этого 62% опрошенных не видят жизненной перспективы и хотят покинуть свою страну и найти другую – с хорошо отлаженной государственной системой. «Отсутствие будущего для детей» в качестве причины выезда (71%) как нельзя лучше объясняет этот внутренний импульс – перебраться на более прочную почву, гарантирующую своим гражданам защиту от непредсказуемых правовых, экономических и политических коллизий [7].

Большое влияние на потенциальных эмигрантов оказывает общая «зараженность» эмиграционными настроениями в бывшем СССР. Вот почему причина «Все поехали – и мы тоже поехали» является одной из наиболее значимых для «четвертой волны» эмигрантов (57% опрошенных). Таким образом, миграционные мотивации представителей «четвертой волны» лишены национальной окраски и являются политико-экономическими. Если бы западные страны сняли этнические преференции в своей миграционной политике, туда устремились бы представители всех этнических групп, населяющих бывший СССР [7].

Половина выехавших в 90-е гг. представляет собой группу неэтнических эмигрантов. К данной группе относят тех, кто не ставил изначально целью эмиграцию, выехал из России по профессиональным соображениям и не использовал этнические каналы выезда. Таким образом, можно сказать, что с середины 90-х г. эмиграция из России перестала быть чисто этническим феноменом. Мотивация стала более определенной и менее зависимой от этнических факторов. Уменьшение периода реализации желания выехать, увеличение скорости адаптации россиян в принимающих странах, а также их профессиональный состав и

образовательный уровень, превосходящие средние показатели в стране-приема, свидетельствуют о том, что эмиграция из России все более становится формой обмена культурным и интеллектуальным капиталом, типичным для развитых стран. Разница в оплате труда, отсутствие возможностей для проведения экспериментальных исследований, плохие условия труда являются основной причиной интеллектуальной эмиграции ученых из России на протяжении последнего десятилетия [2].

В целом с 1990 по 2003 г. из России в страны дальнего зарубежья выехало 1,2 миллиона чел. Пик эмиграции пришелся на 1993-1995 гг. в разгар экономических реформ, когда из страны в среднем уезжало порядка 110 тысяч чел. в год. После 1995 г. наблюдается непрерывный спад в эмиграционном потоке, и начиная с 2000 г. численность эмигрирующих не превышает 62 тысяч чел., а в 2003 г. она опустилась вообще до 47 тысяч. Единственный эмиграционный всплеск пришелся на 1999 г., что объясняется кризисом 1998 г., но не общей тенденцией.

Главной этнической эмиграционной тенденцией последних лет, безусловно, стало возрастание доли русских в количестве выехавших вне зависимости от страны приема. Так, в 1993–1996 гг. количественно доминировала эмиграция в среде российских немцев, однако в 1997 г. русских, пусть и незначительно, но уехало больше. Причем в конце 1990-х гг. доля русских эмигрировавших, в Израиль, превысило традиционную еврейскую составляющую. Эмиграция русских в США начала доминировать уже в 1995 г.

Можно отметить несколько основных причин подобной тенденции. Во-первых, иссякает миграционный потенциал этнических групп, которые пользовались и пользуются преференциями при въезде в Германию, Израиль, Грецию и некоторые другие страны. Во-вторых, эмиграция девяностых годов имеет по большей части экономические, а не политические причины, включая «утечку умов». В-третьих, растет доля маятниковой эмиграции в дальнее зарубежье, связанная с деловыми поездками, работой по контракту и учебной. Наконец, все больше российских граждан приобретают бизнес и недвижимость за рубежом, получая вид на жительство (инвестиционная эмиграция). Большинство из них относят себя к русским [1, 4].

Если говорить об «утечке умов», то факторами миграции стали, прежде всего, глубокий социально-экономический кризис в стране, резкое снижение приоритетности науки, усугубленное ее структурными особенностями, что усилило значение канала этнической эмиграции.

Причина же эмиграции – неостребованность научного, интеллектуального потенциала, невозможность для конкретных ученых реализовать себя в стране в научном, материальном и

интеллектуальном плане, обеспечивать творческий рост.

Причины эмиграции ученых и специалистов высшей и высокой квалификации из России в принципе известны. Экономический кризис имел своим следствием резкое снижение государственного финансирования научных исследований.

Важная причина интеллектуальной эмиграции – инфраструктурная необеспеченность российской науки, ставшая тормозом развития научных исследований. Среди этнической эмиграции численность выехавших научных сотрудников оценивают в 35 тысяч человек, что составляет около 10% всех научных сотрудников по состоянию на 1995 г. При этом систему Российской Академии наук покинули 17% научных работников.

В последние годы все большее развитие получает процесс бизнес-эмиграции из России. Молодые талантливые бизнесмены, добившись высокого благосостояния в России, заработав значительные суммы, эмигрируют, закупают недвижимость и занимаются бизнесом в развитых странах [3].

Естественно, нельзя не упомянуть и об отрицательных сторонах достаточно интенсивной эмиграции. Здесь стоит упомянуть и отток трудовых ресурсов во время демографического кризиса и ожидаемый резкий рост старения населения в 2007–2010 гг., и «утечку умов», и вывоз капитала.

В то же время нельзя не сказать и о позитивных факторах, связанных с эмиграцией из России. Кроме возможности посмотреть Париж своими глазами и пощупать египетские и прочие пирамиды своими руками, наши соотечественники, работающие и учащиеся за границей, получили доступ к передовым знаниям и технологиям. Возможность российского бизнеса выйти на международную арену подкрепляется контактами на личном уровне [4, 5]. В этой связи «утечка умов», рассматриваемая как однозначно негативное явление, может обернуться другими гранями.

В целом отношение нашего общества к эмиграции становится все более спокойным. Можно сказать, что образованные социальные слои в этом плане все меньше отличаются от обычных европейцев.

Стабилизация экономического положения и снижение уровня интереса к политике, а также сокращение трудоспособного населения коренных народов России свидетельствуют о том, что темпы роста эмиграции будут продолжать снижаться. Основными причинами эмиграции останутся желание улучшить свое экономическое состояние и самореализация. Кроме того, среди факторов, снижающих эмиграционную активность, следует отметить постепенное сокращение научного потенциала страны, особенно с точки зрения численности ученых молодого и среднего возраста, занимающихся фундаментальной наукой [5].

1. Дежина И. «Утечка умов» из России: мифы и реальность, Журнал «Науковедение», 2002 г.
2. Долгих Е.И. Эмиграция из России, 2004 г. <http://www.portalus.ru/>
3. Зайончковская Ж.А. Эмиграция в дальнее зарубежье <http://www.socio.ru/wr/2-03/Zaj.htm>
4. Иноземцев В.Л.: Иммиграция: новая проблема нового столетия, Социологические исследования, 2003, № 4.
5. Иношин В. Российская эмиграция 2005г. http://zvezda.ru/prm_341.htm
6. Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. № 1. С. 53–65.
7. Хрусталева Н. <http://finoved.madistudio.com/index.php?idm=27&op=main&idcont=110>

ПОСАЖЕННИКОВА АННА ОЛЕГОВНА

менеджер по обучению, оценке и развитию персонала ЗАО «Евросиб СПб – ТС», соискатель СПбГИПСР

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И УРОВНИ РАЗВИТИЯ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В РАННЕЙ ЮНОСТИ

Постановка проблемы исследования нравственного сознания, датируемая серединой прошлого века, ознаменовалась изменениями в развитии отечественной психологии: предмет исследования дополняется изучением содержательной части психического, появляются работы, в которых указывается на необходимость изучения содержательной стороны личности. Проблема изучения нравственного сознания личности становилась более актуальной на фоне повышенного интереса к феномену человека, исторические события XX века поставили перед наукой вопрос о становлении человеческого в человеке, о важности сохранения человеческой уникальности [1; 2].

В теоретическом плане проблема нравственного сознания личности разработана недостаточно, с одной стороны, по причине необходимости привлечения междисциплинарного подхода (этика, социология), с другой – по причине оценочной перегрузки понятия нравственности и сложности согласования точек зрения исследователей на понимание феномена нравственности.

Такая позиция привела к тому, что различные аспекты нравственного сознания изучались в психологии изолированно, в отрыве друг от друга. Отдельно исследовались моральные суждения – когнитивный компонент нравственности в работах Ж. Пиаже, Л. Колберга, Е. Субботского.

Исследования Л.П. Стрелковой, А.Д. Кошелевой, И.С. Клециной, В.В. Абраменковой были посвящены социальным эмоциям и гендерным аспектам их генезиса как главным предпосылкам нравственного развития.

А.Л. Журавлев обобщает результаты исследования Л. Колберга с выделением трех уровней морального развития личности:

1) доморальный уровень, когда ребенок руководствуется своими эгоистическими побуждениями;

2) уровень конвенциональной морали, для которого характерна ориентация на заданные извне нормы и требования;

3) уровень автономной морали, то есть ориентации на интернализированную внутреннюю систему этических принципов.

При этом уровни морального развития, по Л. Колбергу, диагностируются в соответствии с социально-психологическим критерием, представленным в прямой или косвенной форме. Для определения уровня морального развития, на котором может находиться та или иная личность, требуется ее обязательное *соотнесение с другим* в системе Я – Другой, то есть оценка в соответствии с социально-психологическим критерием [4, с. 50].

Регулятивная роль нравственного сознания, по данным И.С. Кона, состоит в оценке и соотнесении планируемых и осуществляемых действий с существующими эталонами, нравственными нормами и принципами. Наличие нравственного сознания позволяет выходить человеку за пределы текущей ситуации, актуальных мотивов, соотносить и оценивать себя с более широким культурным контекстом, с общечеловеческими нравственными нормами. Это обеспечивает возможность преодолеть эгоцентризм и реализовать отношение к «другому» как к самому себе [6, с. 89].

В проведенном нами исследовании рассматривался один из аспектов нравственного развития личности – уровни развития нравственных суждений. Под нравственными суждениями подразумевается система убеждений личности, понимание нормативной стороны поведения в

отношении окружающих людей, представления о «должном» и «недолжном» в поведении относительно других людей и самого человека.

Юношеский возраст как важнейший этап в развитии личности во многом определяется адекватным формированием базовых нравственных установок и суждений как ядра личности. Нередко в этот период приятели начинают играть все более важную роль и даже становятся «значимыми другими» в процессе освобождения от опеки взрослых, в частности, и потому что именно в этот период начинается «Я–концептуальная» интеграция того смысла, который общество связывает с сексуальными действиями [10].

При этом следует учитывать гендерные особенности стереотипов в воспитании представителей различных полов. Так, воспитание мальчиков ведется нередко с акцентированием на жесткости решительности, с исключением эмпатических черт как излишней «сентиментальности»: «*Ты же мужчина, дай сдачи*» и т.п. С другой стороны, социальное одобрение вызывает очевидная поддержка родителями у девочек эмпатии и ориентированности на заботу о других людях: «*Хозяйюшка какая, так и мужу своему готовить будешь!*» [5].

Действительно, с наступлением периода полового созревания резко меняется линия поведения юношей. Они утрачивают «самоутверждающуюся» грубость и, более того, когда встречаются с представительницами противоположного пола один на один, нередко конфузятся. В этот период многие подростки обоих полов исключительно чувствительны к своему внешнему виду и часами рассматривают себя в зеркале. Как показали исследования, самая низкая степень удовлетворения своим внешним обликом имеет место у девочек в 13 лет, а у мальчиков – в 15; после чего удовлетворенность собой стабильно возрастает [7].

Вместе с тем при переходе рубежа 15 лет, как утверждает И.В. Дубровин, обнаружена тенденция к сокращению юношей, обладающих социально адекватными представлениями, тогда как у девушек наблюдается обратная картина. По-видимому, данная тенденция у девушек подкрепляется и чисто физическими причинами – яркой выраженностью у них циклической обратной связи между отрицательными эмоциями и доминантой левого полушария, связанного с функциями сознания (как компонента интеллекта). Для юношей – это время колебаний между кипучей деятельностью и душевным равнодушием и/или полной апатией, между неумной радостью и/или унынием и даже отчаянием, между дерзостью и боязливостью, между отвагой и трусостью, между идеализмом и прагматизмом [3, с. 158–159].

В этом возрасте у юношей появляются и первые сексуальные переживания, достаточно отдаленные от аналогичных переживаний у девушек. Так, Г. Крэйг констатирует, что девушки значительно превосходят юношей в вербальных навыках и уверениях, что интимность важнее секса, тогда как юноши – в пространственном воображении и

твердой убежденности, что сексуальные отношения несравнимо важнее интимности [7, с. 144].

Для данного возрастного периода характерно спокойное рассмотрение противоречащих фактам ситуаций, поэтому нередко увлечением становятся виртуальные миры Интернета и/или научной фантастики, эксперименты с оккультизмом, культурами или экстремальными состояниями интеллекта, вызванными любым способом от дискотеки до наркотиков [10, с. 389]. По-видимому, кризис этого возраста может быть объяснен, прежде всего, противоречивостью гендерного самоопределения юношей и девушек.

Показательно, что именно в 14–15 лет у девушек наблюдается статистически достоверное снижение интереса к высказываниям о любви и будущей семейной жизни, тогда как у юношей этого же возраста число высказываний на эту тему уменьшается лишь к 16 годам [3, с. 60–63].

И тем не менее, как замечает Грэйс Крэйг, «юность является периодом интеллектуального опьянения» [7, с. 145]. Поэтому характерным здесь можно считать уже более или менее спокойное отношение к другому полу и обострение ярко выраженного интереса к выбору будущей профессии. И юноши, и девушки начинают сопоставлять свои потребности, интересы и ценности со способностями и возможностями, которые, что называется, у них – «от Бога» и / или которых они самостоятельно достигли на более ранних этапах развития.

Например, уже в старших классах школы большинство из них выбирает будущую профессию, а также и следующее – после окончания школы – учебное заведение, начинают готовиться к вступительным экзаменам и / или более углубленно осваивают знакомство с интересующим предметом, специальностью или профессией.

В настоящем исследовании объектом исследования являлись 153 учащихся десятых классов обоих полов трех петербургских школ. Проблема изучения нравственного сознания данного контингента заключалась в установлении связей между уровнями развития моральных суждений и такими психологическими образованиями, как мотивы, ценности, установки подростка.

Так как возраст 14–15 лет в периодизациях разных авторовотносят к ранней юности (И.С. Кон), и к подростковому периоду (Д.Б. Эльконин), к настоящему моменту нет однозначного термина для обозначения данной выборки, поэтому мы в описании исследования будем использовать термин «подростки».

В своем исследовании мы исходили из следующих гипотез:

1. Уровни развития моральных суждений связаны со степенью сформированности мотивационной сферы: чем выше уровень развития моральных суждений, тем больше мотивов связанных, с интересами, выходящими за пределы ситуации человека, и, наоборот, чем ниже уровень развития моральных суждений, тем больше встречается эгоцентрических мотивов.